

Развитие антикоррупционного просвещения в России

Сурилов Меир Нисонович

Кандидат экономических наук, доцент,
Московский городской педагогический университет,
129226, Российская Федерация, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4;
e-mail: lerapir@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена комплексному исследованию развития института антикоррупционного просвещения в современной России как ключевого элемента трансформации государственной политики противодействия коррупции от преимущественно карательной к превентивной модели, ориентированной на формирование антикоррупционной правовой культуры и нетерпимости к коррупционному поведению. Цель работы состоит в выявлении нормативно-правовых, организационных и социокультурных факторов, определяющих эффективность антикоррупционного просвещения, а также в формулировании предложений по совершенствованию правового регулирования и практики его реализации. Методологическую основу составили диалектический подход, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, правовой мониторинг, контент-анализ информационных материалов, системно-структурный подход, а также анализ судебной и прокурорской практики и статистических данных о коррупционной преступности. На основе анализа Конституции РФ, федерального и регионального законодательства, локальных актов государственных органов и корпораций установлено отсутствие легальной дефиниции антикоррупционного просвещения и единого стандарта его организации, что порождает разночтения в обязанностях субъектов профилактики и способствует формализации проводимых мероприятий. Показано, что ведущая роль прокуратуры в координации просветительской деятельности сочетается с недостаточной вовлеченностью кадровых служб и образовательных организаций, слабой интеграцией антикоррупционных модулей в систему непрерывного образования, ограниченным охватом корпоративного и особенно малого бизнеса, выраженной региональной асимметрией и недостаточным использованием цифровых коммуникационных каналов и интерактивных форматов. Обсуждение полученных результатов позволяет заключить, что доминирование количественных показателей (число лекций, памяток, мероприятий) над оценкой реального влияния просвещения на правосознание граждан не обеспечивает устойчивое снижение коррупционных рисков. Сделан вывод о необходимости разработки единой государственной стратегии антикоррупционного просвещения, уточнения правового статуса и компетенций его субъектов, внедрения единых целевых индикаторов и расширения участия институтов гражданского общества и СМИ в формировании антикоррупционной культуры как ключевого условия повышения эффективности национальной системы противодействия коррупции.

Для цитирования в научных исследованиях

Сурилов М.Н. Развитие антикоррупционного просвещения в России // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 11А. С. 7-17. DOI: 10.34670/AR.2025.58.85.001

Ключевые слова

Антикоррупционное просвещение, противодействие коррупции, правовое регулирование, правовое сознание, профилактика коррупционных правонарушений.

Введение

Современная государственная политика Российской Федерации в сфере противодействия коррупции претерпевает значительную трансформацию, смещая акценты с сугубо репрессивных мер уголовно-правового характера на превентивные механизмы, среди которых ключевую роль играет антикоррупционное просвещение и формирование нетерпимости к коррупционному поведению. В условиях развития правового государства коррупция перестала восприниматься исключительно как совокупность уголовно наказуемых деяний, трансформировавшись в сознании законодателя и правоприменителя в системную угрозу национальной безопасности, требующую комплексного подхода, включающего не только выявление и пресечение фактов взяточничества или злоупотребления полномочиями, но и глубокую работу с правосознанием граждан [Санина, Коломинов], 2022. Федеральный закон от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» заложил фундаментальные основы данной деятельности, определив профилактику коррупции как одно из приоритетных направлений, однако практическая реализация положений закона в части просветительской деятельности долгое время оставалась фрагментарной и носила формальный характер, что неоднократно отмечалось в научном дискурсе и аналитических отчетах надзорных органов. Проблема заключается не столько в отсутствии нормативной базы, сколько в разрыве между декларируемыми принципами и реальными механизмами их внедрения в общественную ткань, когда антикоррупционное просвещение подменяется сухой отчетностью о проведенных лекциях без анализа их влияния на изменение правовой культуры целевой аудитории, будь то государственные служащие или студенческая молодежь [Любавина, 2020]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления подходов к правовому воспитанию в условиях цифровизации и изменения коммуникативных паттернов общества, поскольку традиционные методы доведения правовой информации теряют свою эффективность, требуя внедрения новых, интерактивных форм взаимодействия государства и гражданского общества, направленных на демифологизацию коррупционных практик и разъяснение правовых последствий участия в них не только с позиции страха наказания, но и с точки зрения морально-нравственной деградации институтов публичной власти.

Второй аспект проблематики, требующий детального рассмотрения, связан с необходимостью четкого разграничения антикоррупционного просвещения, антикоррупционного образования и антикоррупционной пропаганды, поскольку эти понятия, хотя и являются смежными, имеют различные цели, методы и субъектный состав, а их смешение в правоприменительной практике приводит к размыванию ответственности и снижению

эффективности государственных программ [Анкудинова, 2021]. Национальный план противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утвержденный Указом Президента РФ, прямо указывает на необходимость совершенствования просветительской работы, однако анализ региональных нормативных актов и локальных документов организаций показывает, что единый стандарт такого просвещения до сих пор не сформирован, что порождает правовую неопределенность и позволяет должностным лицам, ответственным за профилактику, имитировать бурную деятельность без достижения конкретных индикаторов эффективности. Кроме того, существенным пробелом остается недостаточная интеграция антикоррупционных модулей в систему непрерывного профессионального образования, особенно в сферах с высокими коррупционными рисками, таких как государственные закупки, контрольно-надзорная деятельность и управление государственным имуществом, где знание не только запретов, но и этических стандартов поведения является критически важным для предотвращения конфликта интересов [Кабанов, 2016]. Правовая природа антикоррупционного просвещения дуалистична: с одной стороны, это обязанность государственных органов, закрепленная в императивных нормах, с другой – это сложный социокультурный процесс, успех которого зависит от готовности общества воспринимать предлагаемые государством нарративы, что невозможно без восстановления доверия к правоохранительной и судебной системам. Таким образом, исследование механизмов развития антикоррупционного просвещения требует выхода за рамки сухого догматического анализа текстов законов и обращения к практике их применения, выявлению системных ошибок и поиску путей их устранения через совершенствование правового регулирования и организационно-методического обеспечения.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу настоящего исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов познания, позволяющих всесторонне изучить феномен антикоррупционного просвещения в его нормативном и прикладном измерениях, опираясь на диалектический подход, рассматривающий правовые явления в их развитии и взаимосвязи с социальными процессами. Центральное место в структуре исследования занимает формально-юридический метод, посредством которого был проведен детальный анализ положений Конституции Российской Федерации, Федерального закона «О противодействии коррупции», указов Президента РФ, постановлений Правительства РФ, а также ведомственных приказов Генеральной прокуратуры, Министерства труда и социальной защиты и Министерства науки и высшего образования, регулирующих вопросы профилактики коррупционных правонарушений [Козлова, 2021]. Для выявления пробелов и коллизий в правовом регулировании применялся метод сравнительного правоведения, позволивший сопоставить федеральное законодательство с нормативными актами субъектов Российской Федерации и выявить региональную специфику реализации антикоррупционной политики, а также оценить степень имплементации международных стандартов, содержащихся в Конвенции ООН против коррупции, в национальную правовую систему. Особое внимание уделялось анализу локальных нормативных актов государственных корпораций и публично-правовых компаний, принятых во исполнение статьи 13.3 Федерального закона № 273-ФЗ, обязывающей организации принимать меры по предупреждению коррупции, что позволило оценить уровень проникновения антикоррупционных стандартов в корпоративный сектор [Арцыбашев, 2015]. Эмпирическую

базу исследования составили материалы судебной практики по делам об оспаривании увольнений в связи с утратой доверия, административным правонарушениям, предусмотренным статьей 19.28 КоАП РФ, а также дисциплинарным взысканиям за несоблюдение требований к служебному поведению, анализ которых позволил установить корреляцию между уровнем правовой грамотности субъектов и совершаемыми ими правонарушениями.

Вторым блоком используемого инструментария стал метод правового мониторинга и анализа статистических данных, публикуемых Судебным департаментом при Верховном Суде РФ и органами прокуратуры, что дало возможность отследить динамику коррупционной преступности и соотнести её с интенсивностью проводимых просветительских мероприятий в различных регионах страны. Для оценки качественной составляющей просветительской деятельности применялся метод контент-анализа информационных материалов, размещенных на официальных сайтах органов государственной власти, в средствах массовой информации и на образовательных платформах, с целью выявления их содержательного наполнения, доступности для восприятия и соответствия актуальным изменениям законодательства [Кабанов, 2015]. Исследование также опиралось на системно-структурный метод, позволивший рассмотреть систему субъектов антикоррупционного просвещения как иерархически организованную структуру с распределенными полномочиями и зонами ответственности, выявив при этом узкие места в межведомственном взаимодействии и координации усилий. Важным элементом методологии стал анализ материалов правоприменительной практики органов прокуратуры при осуществлении надзора за исполнением законодательства о противодействии коррупции, в частности представлений об устранении нарушений закона, вынесенных в адрес руководителей органов власти и организаций в связи с ненадлежащим исполнением обязанностей по правовому просвещению [Михайлова, 2020]. Комплексное использование указанных методов позволило обеспечить достоверность и обоснованность полученных выводов, преодолеть фрагментарность в понимании проблемы и предложить научно обоснованные рекомендации по совершенствованию правового регулирования и практики антикоррупционного просвещения в России.

Результаты и обсуждение

Анализ нормативной базы Российской Федерации позволяет констатировать, что законодатель рассматривает антикоррупционное просвещение как неотъемлемую часть государственной политики, однако дефиниция данного понятия на уровне федерального закона до сих пор отсутствует, что порождает разночтения в правоприменении и позволяет субъектам профилактики трактовать свои обязанности расширительно или, наоборот, неоправданно узко. В научной доктрине и методических рекомендациях под антикоррупционным просвещением обычно понимается систематическая деятельность по распространению знаний о гражданских правах, свободах и обязанностях человека, о способах защиты этих прав, а также о вреде коррупции и методах противодействия ей, однако на практике эта деятельность часто сводится к формальному ознакомлению сотрудников под роспись с положениями кодексов этики и служебного поведения [Будай, Васкина, 2017]. Судебная практика по трудовым спорам, связанным с увольнением государственных служащих в связи с утратой доверия, демонстрирует, что значительная часть нарушений, таких как непредоставление сведений о доходах или неурегулирование конфликта интересов, совершается не вследствие прямого

умысла на хищение или получение взятки, а из-за банального незнания сложных юридических конструкций, например, понятия «конфликт интересов» или правил владения иностранными финансовыми инструментами. Суды, рассматривая подобные дела, как правило, занимают жесткую позицию, указывая, что незнание закона не освобождает от ответственности, однако сам факт массовости таких нарушений свидетельствует о провале просветительской работы внутри государственных органов, где разъяснение норм подменяется их формальным цитированием [Кабанов, 2015].

Роль органов прокуратуры в системе антикоррупционного просвещения является ведущей, поскольку именно на прокуроров возложена функция координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и надзора за исполнением законодательства, что включает в себя и проверку качества профилактической работы в поднадзорных органах. Анализ актов прокурорского реагирования показывает, что типичными нарушениями являются отсутствие утвержденных планов просветительской работы, проведение мероприятий «для галочки» без охвата всего личного состава, а также использование устаревших методических материалов, не учитывающих последние изменения в законодательстве, например, касающиеся цифровых финансовых активов [Козлова, 2019]. При этом сама прокуратура активно занимается правовым просвещением, выпуская памятки, проводя лекции и встречи с населением, однако ресурс прокурорских работников ограничен, и они не могут подменить собой внутренние подразделения по профилактике коррупционных правонарушений в каждом государственном органе или муниципалитете. Эффективность просвещения напрямую зависит от квалификации кадровых служб и ответственных должностных лиц, которые зачастую не имеют профильного юридического образования и воспринимают антикоррупционную работу как дополнительную нагрузку, не влияющую на основные показатели деятельности организации.

Особого внимания заслуживает сфера образования, где антикоррупционное просвещение должно начинаться со школьной скамьи и продолжаться в высших учебных заведениях, формируя у молодежи стойкое неприятие коррупционных моделей поведения как нормы жизни. Федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС) содержат компетенции, связанные с правовой грамотностью, однако специализированные курсы по противодействию коррупции часто носят факультативный характер или интегрированы в общие дисциплины, такие как правоведение или обществознание, где им уделяется недостаточно времени для глубокой проработки [Брежнев, 2018]. Проблема усугубляется тем, что сама образовательная среда не всегда свободна от коррупционных проявлений, и диссонанс между теоретическими знаниями о вреде коррупции и реальными практиками «бытовой коррупции» в вузе (подарки преподавателям, покупка работ) нивелирует воспитательный эффект просветительских программ. Внедрение антикоррупционных стандартов в образовательный процесс требует не только обновления учебных планов, но и подготовки преподавательского состава, способного компетентно и убедительно обсуждать сложные этические и правовые дилеммы, избегая морализаторства и скучной лекционной подачи.

В корпоративном секторе развитие антикоррупционного просвещения стимулируется статьей 13.3 Федерального закона № 273-ФЗ, которая обязывает организации разрабатывать и принимать меры по предупреждению коррупции, что на практике привело к формированию института комплаенса в крупных компаниях, особенно тех, которые участвуют в международном обороте или государственных закупках. Однако для малого и среднего бизнеса требования закона часто остаются декларативными, поскольку у них отсутствуют ресурсы для

содержания штатных юристов или комплаенс-менеджеров, а типовые документы, скачанные из интернета, не адаптируются под специфику деятельности предприятия [Галстян, 2016]. В результате просвещение сотрудников в коммерческих структурах часто отсутствует полностью, что повышает риски совершения правонарушений, предусмотренных статьёй 19.28 КоАП РФ (незаконное вознаграждение от имени юридического лица), санкции по которой предусматривают крупные штрафы и могут привести к банкротству бизнеса. Судебная практика показывает, что наличие в организации реально действующих процедур, включая регулярное обучение персонала и информирование о недопустимости коррупционных практик, может рассматриваться судом как смягчающее обстоятельство или основание для освобождения от ответственности, если организация докажет, что предприняла все зависящие от нее меры по соблюдению закона.

Цифровизация государственного управления и общественных отношений открывает новые возможности для антикоррупционного просвещения, позволяя охватить широкую аудиторию через социальные сети, мессенджеры и специализированные порталы, однако анализ контента показывает, что государственные органы часто используют казенный язык и сложные бюрократические формулировки, которые отторгаются массовым сознанием. Успешные кейсы использования интерактивных тестов, видеороликов, геймификации процесса обучения встречаются редко и, как правило, являются инициативой отдельных энтузиастов или результатом грантовой поддержки НКО, в то время как системная работа в цифровом пространстве требует профессионального подхода с привлечением специалистов по коммуникациям и PR [Козлова, 2016]. Важным аспектом является и обратная связь: просвещение не должно быть монологом государства, оно должно включать механизмы получения сигналов от общества, обсуждения проблемных вопросов и разъяснения резонансных коррупционных дел, чтобы граждане видели неотвратимость наказания не только на бумаге, но и в реальности. Отсутствие внятной информационной политики по сопровождению громких антикоррупционных расследований часто порождает слухи и недоверие, снижая эффективность всей системы профилактики.

Проблема конфликта интересов, являющаяся одной из центральных в антикоррупционном законодательстве, требует особо тщательного просветительского подхода, поскольку грань между законным поведением и нарушением здесь часто неочевидна для обывателя и даже для профессионала. Многие служащие искренне не понимают, почему совместная работа с родственниками, владение акциями или получение подарков может рассматриваться как нарушение, если это не принесло прямого ущерба бюджету, и задача просвещения — объяснить превентивный характер этих запретов, направленных на исключение самой возможности злоупотребления [Третьяков, Мохоров, Мохорова, Косарев], 2022. Методические рекомендации Министерства труда и социальной защиты РФ содержат подробные разборы типовых ситуаций конфликта интересов, однако их доведение до каждого конкретного служащего часто страдает формализмом: документы рассылаются по электронной почте, но не обсуждаются на семинарах или тренингах с разбором кейсов. Судебная практика подтверждает, что именно неурегулированный конфликт интересов становится причиной большинства увольнений по утрате доверия, причем суды последовательно указывают на обязанность служащего уведомить о возникновении личной заинтересованности немедленно, как только ему стало об этом известно, а незнание порядка уведомления не является оправданием.

Региональный аспект развития антикоррупционного просвещения характеризуется значительной неравномерностью: в одних субъектах Федерации приняты и финансируются

отдельные программы, работают общественные советы и лекторские группы, в других — вся деятельность сводится к перепечатке федеральных новостей на сайте администрации. Анализ регионального законодательства показывает, что не везде приняты специальные законы об антикоррупционном просвещении, а там, где они есть, они часто носят рамочный характер и не подкреплены бюджетным финансированием, что превращает их в «спящие» нормы. Участие институтов гражданского общества, социально ориентированных некоммерческих организаций в просветительской деятельности также сталкивается с рядом барьеров, включая сложности с получением доступа к аудитории в государственных учреждениях и школах, а также нехватку методической поддержки и квалифицированных экспертов. Вместе с тем, именно независимые общественные организации могли бы стать эффективным проводником антикоррупционных ценностей, поскольку уровень доверия к ним в определенных слоях общества может быть выше, чем к официальным структурам.

Вопросы антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов, хотя и являются отдельным институтом, тесно связаны с просвещением, поскольку публикация проектов актов для общественного обсуждения и привлечение независимых экспертов способствует повышению правовой грамотности населения и пониманию механизмов принятия государственных решений. Однако активность граждан и организаций в проведении независимой антикоррупционной экспертизы остается низкой, что объясняется как сложностью процедуры, так и неверием в то, что замечания будут учтены органом-разработчиком. Необходимо развивать механизмы стимулирования участия граждан в нормотворческом процессе, обучать их методике выявления коррупциогенных факторов, превращая пассивных наблюдателей в активных участников антикоррупционного контроля.

Психологические аспекты восприятия коррупции также должны учитываться при разработке просветительских программ: исследования показывают, что устрашение наказанием имеет ограниченный эффект, в то время как апелляция к чести, профессиональному достоинству и патриотизму может работать эффективнее, особенно в молодежной среде. Формирование антикоррупционного стандарта поведения предполагает изменение ценностных установок, отказ от восприятия коррупции как удобного инструмента решения проблем и осознание её как социального зла, разрушающего основы государственности. Это требует длительной и кропотливой работы, результаты которой не могут быть достигнуты мгновенно, и оценка эффективности просвещения должна базироваться не на количестве проведенных мероприятий, а на социологических замерах уровня коррупции и доверия граждан к власти.

Анализ практики привлечения к ответственности юридических лиц за коррупционные правонарушения также высвечивает проблему недостаточной осведомленности бизнеса о требованиях законодательства, в частности о положениях Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц, участницей которой является Россия. Российские компании, выходящие на внешние рынки, часто не осознают рисков, связанных с трансграничной коррупцией, и не внедряют соответствующие антикоррупционные оговорки в контракты, что может привести к серьезным санкциям со стороны иностранных регуляторов и репутационным потерям. Внутренний рынок также требует повышения прозрачности: внедрение антикоррупционных хартий бизнеса, кодексов этики и горячих линий должно стать нормой делового оборота, а не исключением для избранных.

Взаимодействие со средствами массовой информации является критически важным каналом антикоррупционного просвещения, однако журналистское сообщество часто ориентировано на сенсационность и скандальность, уделяя мало внимания аналитике, причинам

и условиям коррупции, а также позитивным примерам борьбы с ней. Необходимо выстраивать конструктивный диалог с медиа, проводить обучающие семинары для журналистов, специализирующихся на правовых темах, чтобы повысить качество материалов и избежать юридических ошибок, которые могут нанести вред расследованию или необоснованно опорочить репутацию граждан. Просвещение через СМИ должно быть направлено на создание атмосферы нетерпимости к коррупции, разрушение стереотипа о её непобедимости и всепроникающем характере.

Таким образом, развитие антикоррупционного просвещения в России сталкивается с рядом системных проблем, носящих как нормативно-правовой, так и организационный характер, среди которых доминирование формального подхода, недостаточная квалификация кадров, слабая вовлеченность гражданского общества и неравномерность развития в регионах. Преодоление этих барьеров требует консолидации усилий всех ветвей власти и общества, перехода от точечных мероприятий к системной, научно обоснованной политике формирования антикоррупционной культуры, основанной на лучших отечественных и международных практиках. Только комплексный подход, сочетающий в себе качественное правовое регулирование, эффективное правоприменение и активную просветительскую работу, способен обеспечить реальное снижение уровня коррупции и оздоровление нравственного климата в обществе.

Заключение

Подводя итог проведенному исследованию развития института антикоррупционного просвещения в современной России, следует заключить, что данный механизм претерпел существенную эволюцию от декларативных призывов к формированию разветвленной системы правовых и организационных мер, интегрированных в деятельность органов публичной власти и корпоративного сектора. Однако переход от количественного накопления нормативного материала и методических наработок к качественному изменению правосознания граждан и должностных лиц остается незавершенным, что обусловлено сохраняющимся формализмом в реализации государственных программ и недостаточной гибкостью используемых образовательных технологий. Современное состояние правовой среды свидетельствует о том, что репрессивный потенциал государства в борьбе с коррупцией близок к своему пределу эффективности, и дальнейшее снижение коррупционных рисков возможно исключительно через ментальную трансформацию общества, создание атмосферы тотальной нетерпимости к любым формам проявления коррупции, что требует пересмотра подходов к просветительской деятельности в сторону её индивидуализации, практикоориентированности и технологичности.

Необходима выработка единой государственной стратегии антикоррупционного просвещения, которая объединяла бы усилия образовательных учреждений, правоохранительных органов, институтов гражданского общества и бизнес-сообщества в рамках целостной экосистемы, исключающей дублирование функций и обеспечивающей непрерывность воздействия на целевые аудитории на всех этапах социализации личности. Ключевым вектором развития должно стать преодоление правового нигилизма и восстановление доверия к институту права как универсальному регулятору общественных отношений, что невозможно без повышения транспарентности деятельности органов власти и обеспечения неотвратимости ответственности не только за совершение преступлений, но и за игнорирование этических стандартов публичной службы. В конечном счете, успех

антикоррупционного просвещения будет определяться не объемом освоенных бюджетных средств или количеством розданных памяток, а реальным снижением уровня бытовой и деловой коррупции, фиксируемым независимыми социологическими исследованиями, и укоренением в общественном сознании установки на честное и добросовестное поведение как единственно возможной модели социального успеха.

Библиография

1. Анкудинова Я.С. К вопросу о практике реализации антикоррупционного просвещения (на материалах Республики Крым) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2021. Т. 7 (73). № 2. С. 249-253.
2. Арцыбашев М.В. Проблемы правоприменения антикоррупционного законодательства // Законность и правопорядок. 2015. № 1 (11). С. 49-50.
3. Брежнев О.В. Проблемы правового регулирования антикоррупционного просвещения в Российской Федерации // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. 2018. № 3. С. 11-16.
4. Будаев С.Н., Васкина И.А. О некоторых вопросах осуществления прокурорами правового просвещения в сфере противодействия коррупции // Вестник Российской правовой академии. 2017. № 1. С. 79-85.
5. Галстян И.Ш. К вопросу об антикоррупционном просвещении как способе повышения правовой культуры и правосознания // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 4. С. 153-157.
6. Кабанов П.А. Антикоррупционное информирование как форма антикоррупционного просвещения: понятие и содержание // Мониторинг правоприменения. 2015. № 2 (15). С. 40-46.
7. Кабанов П.А. Антикоррупционное просвещение в субъектах Российской Федерации: опыт правового регулирования организации и перспективы развития // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2016. № 4. С. 35-55.
8. Кабанов П.А. Понятие и содержание антикоррупционного просвещения как средства профилактики коррупции // Юридические исследования. 2015. № 2. С. 12-27.
9. Козлова Е.Б. Антикоррупционное просвещение в свете изменений законодательства об образовании в аспекте правового регулирования просветительской деятельности // Закон и право. 2021. № 9. С. 23-26.
10. Козлова Е.Б. Дефекты нормативного правового регулирования вопросов антикоррупционного просвещения в вузах (на примере направления подготовки «Юриспруденция») // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 8. С. 23-30.
11. Козлова Е.Б. Проблемы формирования и реализации региональной политики антикоррупционного просвещения на современном этапе // Правовая культура. 2016. № 4 (27). С. 17-25.
12. Любавина А.М. Воздействие антикоррупционного просвещения, осуществляемого органами прокуратуры Российской Федерации, на правосознание населения // Научный аспект. 2020. Т. 6. № 4. С. 721-725.
13. Михайлова Е.В. Антикоррупционное просвещение как средство противодействия коррупции в Российской Федерации // Криминологический журнал. 2020. № 2. С. 45-48.
14. Санина Л.В., Коломинов В.В. К вопросу об антикоррупционном просвещении в Российской Федерации // Экономика и предпринимательство. 2022. № 12 (149). С. 244-248.
15. Третьяков И.Л., Мохоров Д.А., Мохорова А.Ю., Косарев С.Ю. Правовое просвещение как элемент формирования антикоррупционного мировоззрения // Евразийский юридический журнал. 2022. № 7 (170). С. 67-69.

Development of anti-corruption education in Russia

Meir N. Surilov

PhD in Economics,
Associate Professor,

Moscow City Pedagogical University

129226, 4, 2-y Selskokhozyaystvennyy passage, Moscow, Russian Federation;

e-mail: lerapir@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to a comprehensive study of the development of the institute of anti-corruption education in modern Russia as a key element of the transformation of state anti-corruption policy from a predominantly punitive to a preventive model focused on the formation of an anti-corruption legal culture and intolerance to corrupt behavior. The purpose of the work is to identify the regulatory, organizational and socio-cultural factors that determine the effectiveness of anti-corruption education, as well as to formulate proposals for improving legal regulation and the practice of its implementation. The methodological basis consists of a dialectical approach, formal legal and comparative legal methods, legal monitoring, content analysis of information materials, a systemic and structural approach, as well as an analysis of judicial and prosecutorial practice and statistical data on corruption crimes. Based on the analysis of the Constitution of the Russian Federation, federal and regional legislation, local acts of state bodies and corporations, the absence of a legal definition of anti-corruption education and a single standard for its organization has been established, which generates discrepancies in the responsibilities of prevention subjects and contributes to the formalization of ongoing activities. It is shown that the leading role of the prosecutor's office in coordinating educational activities is combined with insufficient involvement of personnel services and educational organizations, weak integration of anti-corruption modules into the continuing education system, limited coverage of corporate and especially small businesses, pronounced regional asymmetry and insufficient use of digital communication channels and interactive formats. The discussion of the results suggests that the dominance of quantitative indicators (number of lectures, memos, events) over the assessment of the real impact of education on the legal awareness of citizens does not ensure a sustainable reduction in corruption risks. It is concluded that it is necessary to develop a unified state strategy for anti-corruption education, clarify the legal status and competencies of its subjects, introduce common target indicators and expand the participation of civil society institutions and the media in the formation of an anti-corruption culture as a key condition for improving the effectiveness of the national anti-corruption system.

For citation

Surilov M.N. (2025) Razvitie antikorrupcionnogo prosvešeniâ v Rossii [Development of anti-corruption education in Russia]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (11A), pp. 7-17. DOI: 10.34670/AR.2025.58.85.001

Keywords

Anti-corruption education, anti-corruption, legal regulation, legal awareness, prevention of corruption offenses.

References

1. Ankudinova Ya.S. (2021) K voprosu o praktike realizatsii antikorrupcionnogo prosveshcheniya (na materialakh Respubliki Krym) [On the Issue of the Practice of Implementing Anti-Corruption Education (Based on Materials from the Republic of Crimea)] // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki*, Vol. 7 (73), № 2, p. 249-253.
2. Artsybashev M.V. (2015) Problemy pravoprimeneniya antikorrupcionnogo zakonodatel'stva [Problems of Enforcement of Anti-Corruption Legislation] // *Zakonnost' i pravoporyadok*, № 1 (11), p. 49-50.
3. Brezhnev O.V. (2018) Problemy pravovogo regulirovaniya antikorrupcionnogo prosveshcheniya v Rossiyskoy Federatsii [Problems of Legal Regulation of Anti-Corruption Education in the Russian Federation] // *Gosudarstvo i obshchestvo: vchera, segodnya, zavtra*, № 3, p. 11-16.

4. Buday S.N., Vaskina I.A. (2017) O nekotorykh voprosakh osushchestvleniya prokurorami pravovogo prosveshcheniya v sfere protivodeystviya korruptsii [On Some Issues of Prosecutors' Implementation of Legal Education in the Sphere of Combating Corruption] // Vestnik Rossiyskoy pravovoy akademii, № 1, p. 79-85.
5. Galstyan I.Sh. (2016) K voprosu ob antikorrupsionnom prosveshchenii kak sposobe povysheniya pravovoy kul'tury i pravosoznaniya [On the Issue of Anti-Corruption Education as a Way to Improve Legal Culture and Legal Awareness] // Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya, № 4, p. 153-157.
6. Kabanov P.A. (2015) Antikorrupsionnoe informirovanie kak forma antikorrupsionnogo prosveshcheniya: ponyatie i sodержanie [Anti-Corruption Informing as a Form of Anti-Corruption Education: Concept and Content] // Monitoring pravoprimeneniya, № 2 (15), p. 40-46.
7. Kabanov P.A. (2015) Ponyatie i sodержanie antikorrupsionnogo prosveshcheniya kak sredstva profilaktiki korruptsii [Concept and Content of Anti-Corruption Education as a Means of Corruption Prevention] // Yuridicheskie issledovaniya, № 2, p. 12-27.
8. Kabanov P.A. (2016) Antikorrupsionnoe prosveshchenie v sub"ektakh Rossiyskoy Federatsii: opyt pravovogo regulirovaniya organizatsii i perspektivy razvitiya [Anti-Corruption Education in the Subjects of the Russian Federation: Experience of Legal Regulation of Organization and Development Prospects] // NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya, № 4, p. 35-55.
9. Kozlova E.B. (2016) Problemy formirovaniya i realizatsii regional'noy politiki antikorrupsionnogo prosveshcheniya na sovremennom etape [Problems of Formation and Implementation of Regional Anti-Corruption Education Policy at the Present Stage] // Pravovaya kul'tura, № 4 (27), p. 17-25.
10. Kozlova E.B. (2019) Defekty normativnogo pravovogo regulirovaniya voprosov antikorrupsionnogo prosveshcheniya v vuzakh (na primere napravleniya podgotovki «Yurisprudentsiya») [Defects in Regulatory Legal Regulation of Anti-Corruption Education Issues in Universities (on the Example of the Field of Study "Jurisprudence")] // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika, № 8, p. 23-30.
11. Kozlova E.B. (2021) Antikorrupsionnoe prosveshchenie v svete izmeneniy zakonodatel'stva ob obrazovanii v aspekte pravovogo regulirovaniya prosveshchitel'skoy deyatel'nosti [Anti-Corruption Education in the Light of Changes in Education Legislation in the Aspect of Legal Regulation of Educational Activities] // Zakon i pravo, № 9, p. 23-26.
12. Lyubavina A.M. (2020) Vozdeystvie antikorrupsionnogo prosveshcheniya, osushchestvlyаемого organami prokuratury Rossiyskoy Federatsii, na pravosoznanie naseleniya [The Impact of Anti-Corruption Education Conducted by the Prosecution Authorities of the Russian Federation on the Legal Awareness of the Population] // Nauchnyy aspekt, Vol. 6, № 4, p. 721-725.
13. Mikhaylova E.V. (2020) Antikorrupsionnoe prosveshchenie kak sredstvo protivodeystviya korruptsii v Rossiyskoy Federatsii [Anti-Corruption Education as a Means of Combating Corruption in the Russian Federation] // Kriminologicheskii zhurnal, № 2, p. 45-48.
14. Sanina L.V., Kolominov V.V. (2022) K voprosu ob antikorrupsionnom prosveshchenii v Rossiyskoy Federatsii [On the Issue of Anti-Corruption Education in the Russian Federation] // Ekonomika i predprinimatel'stvo, № 12 (149), p. 244-248.
15. Tretyakov I.L., Mokhorov D.A., Mokhorova A.Yu., Kosarev S.Yu. (2022) Pravovoe prosveshchenie kak element formirovaniya antikorrupsionnogo mirovozzreniya [Legal Education as an Element of Forming an Anti-Corruption Worldview] // Evraziyskiy yuridicheskii zhurnal, № 7 (170), p. 67-69.